

Вязикова Л. В.

ГРАФИЧЕСКИЕ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГРАМОТ XV ВЕКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/21.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 48-50. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

обустройства быта переселенцев, журналы заседаний отчета Тобольской казенной палаты, округов и волостей Тобольской губернии, приходно-расходные книги, ведомости, прошения разных лиц, Царские грамоты о наделении земельными угодьями монастырей Сибири, репорты, промемории, памятки, объявления, прошения и доношения, отчеты о состоянии епархии, журналы заседаний Тобольской духовной консистории, метрические книги, ревизские сказки, реестры, окладные книги и тексты других источников широко показывают картину формирования русского языка периода его становления на российской окраине.

Список использованной литературы

1. Заварихин, С.П. В древнем центре Сибири. / С.П.Заварихин. - М.: Искусство, 1987.
2. Глинкина, Л.А. Лингвокраеведение и его основные источники / Л. А. Глинкина // Русский язык: исторические судьбы и современность / Труды и материалы II Международного конгресса исследователей русского языка. - М.: МГУ, 18-21 марта, 2004.
3. Малышева, И. А. Проблемы источниковедческого исследования письменных памятников XVIII века / И. А. Малышева // Вопросы языкознания, 1998. - № 2.

ГРАФИЧЕСКИЕ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГРАМОТ XV ВЕКА

Вязикова Л. В.

Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова

О норме древнерусской письменности как в деловых грамотах, так и в текстах церковного содержания в науке давно идут споры. Но, анализируя орфографию XVII - XVIII вв., Л.Ф. Копосов приходит к выводу, что «любая письменность нормативна. Любой писец сознательно ориентируется на те или иные правописные нормы» [Копосов 2000: 13]. Под орфографией деловой письменности, по мнению Л.Ф. Копосова, следует понимать «совокупность написаний для всех морфем, практически возможных в памятниках» [Копосов 2000: 13]. Исследователь считает, что среди различных написаний одной и той же морфемы «необходимо отбирать самые частотные и устойчивые, которые воспринимались писцами как правильные и которые были ориентированы на определенные образцы» [Копосов 2000: 13].

Нами рассматриваются некоторые графические и орфографические особенности XV века в рязанских грамотах [Памятники... 1978] и в грамотах, написанных в Троице-Сергиевом и других монастырях (условно называем район написания - центральная Русь) [Хрестоматия... 1990].

Правописание букв **ѡ** и **ѣ** в древнерусском языке к XV веку подчинялось определенному орфографическому правилу: «юс малый» **ѡ** писался после согласного любого происхождения, кроме [j]. Букву **ѣ** использовали после гласного, после [j] и в начале слова. Так в начале слова, а также в личном местоимении *азъ* в грамотах центральной Руси чаще всего можно наблюдать употребление буквы **ѣ**: **ѣ** (Гр. 1 – 1423 г.): **ѣ** княз (Гр. 2 - 1424-1425 гг), в гр. 3 **ѡ**зъ - (1423 - 1445); в местоимении 1 лица сохраняется **ѣ**, за редким исключением пишется **ѡ**: **ѡ**зъ (4), **ѡ**зъ, **ѡ**зъ и **ѡ**зъ (5), **ѡ**зъ (6), **ѡ**зъ (9). - В начале слова употребляется только **ѣ**: **ѣ**росла^ѣска^ѣ (4); **ѣ**рлыкъ, **ѣ**вѣзскомъ, **ѣ**рь, **ѣ**влѣна (5); **ѣ**ковѣ татицовѣ (10) - (1448 - 1480). В период с 1480 - 1500 в начале слова, в начале личного местоимения употребляется только **ѣ**: **ѣ**зъ, **ѣ**зъ (Гр. 2), **ѣ**зъ (Гр. 4), **ѣ**росто^ѣвци, **ѣ**рстовце^ѣ (Гр. 5), **ѣ**зъ (Гр. 6), **ѣ**зъ, **ѣ**стрѣби, **ѣ**мъ (Гр. 7), но в конце XV века **ѡ**мъ/ци^ѡ (Гр. 3), **ѡ**снѣ^ѡскѣн, **ѡ**мъ (Гр. 7).

В конце слов на -ие, -ия и в грамотах центральной Руси, и в рязанских грамотах в первой половине XV века пишется **ѣ**, как и было принято в орфографии предыдущих веков, во второй половине в письме уже начинает употребляться «юс малый» **ѡ**. Центральная Русь (1423 - 1445): **ѣ**тъма **ѣ**трѣи (Гр. 1); **ѣ**рѣбра^ѣнья (Гр. 2); (1448 - 1480) в корне и в конце слов: **ѣ**сѣянѣ, **ѣ**са брата^ѣ, **ѣ**рошения и **ѣ**моления (4); **ѣ**старая, **ѣ**сна, **ѣ**сеа, а также встречается написание с «юсом малым» - **ѡ**мъ **ѣ**ржь, **ѡ**мъ **ѣ**шнаа, **ѡ**мъ **ѣ**жкона (5); **ѣ**сѣѣа (6); в именах собственных - **ѣ**ръѣа^ѣ, **ѣ**мартѣа^ѣ(8); **ѣ**спенниа, **ѣ**рѣ^ѣтъѣа **ѣ**ѣа, а также **ѣ**а (9); **ѣ**аглаа, **ѣ**антонѣа, **ѣ**монастырскаѣа, **ѣ**кнажаа **ѣ**земла, **ѣ**парѣ^ѣфено^ѣскаѣа **ѣ**земла (10); в последней трети XV века (1480 - 1500) в конце слов перед бывшим редуцированным [и], а также после буквы гласного пишется буква **ѡ**: **ѡ**ма, **ѡ**мъ **ѣ**вскрѣ^ѡсеньѣа, **ѡ**ма **ѣ**зъ **ѣ**зская **ѣ**слово^ѡка, **ѡ**мъ **ѣ**ръѣа **ѣ**мон, **ѡ**мъ **ѣ**сеа **ѣ**рѣсѣн. В рязанских грамотах в конце слов мягкого типа склонения, перед бывшим редуцированным [и], а также после буквы гласного встречается буква **ѡ**: **ѡ**мъ **ѣ**Настасѣа, **ѡ**мъ **ѣ**Прокоѣа (Гр. 2); **ѡ**мъ **ѣ**велкаѣа, **ѡ**мъ **ѣ**ѣрѣсѣнѣа, **ѡ**мъ **ѣ**никоторѣа (Гр. 3); **ѡ**мъ **ѣ**велкаѣа, **ѡ**мъ **ѣ**Софѣа **ѣ**интонѣа (Гр. 4); **ѡ**мъ **ѣ**рѣ^ѡтъѣа, (Гр. 5). В девяностых годах XV в. уже употребляется буква **ѡ**: **ѡ**мъ **ѣ**рыба **ѣ**ловаа, **ѡ**мъ **ѣ**морѣа, **ѡ**мъ **ѣ**развоа, **ѡ**мъ **ѣ**горо^ѡнаа, **ѡ**мъ **ѣ**ниша **ѣ**земли (Гр. 7).

Буквы ш, о и о-широкое (Ѡ) в древнерусской письменности также писались по определённым правилам. Буква ш употреблялась в предлоге-приставке шь, в начале слов и после гласных в заимствованных именах собственных; Ѡ широкое писалось в начале слов, иногда, как и ш, в заимствованных именах собственных; о узкое употреблялось только в середине слова. Ту же самую картину мы наблюдаем в грамотах XV века. В грамотах центральной Руси в начале слова встречаются оба написания: шнѹтъ, ѡнѹтъ; в предлоге ОТЬ- только ш: шь рѣчки, штъ талци (грамота 1423 г.). В других грамотах только буква Ѡ: отцо^Ѡ (Гр. 2), печати/ю одною (Гр. 3). В грамотах 1448 - 1480 гг. начале слова, в предлогах (О-, ОТЬ-) употребляются обе буквы: шподарѧ, ѡлекѣевская деревня, огородошъ, ѡ шфонн, ѡ ѡфанасъевского, шнъ (Гр. 5); шподарѧ, ѡвѣдите, шь рѣчки, шсна, с ѡцо^Ѡ, шцѧ, шнтонина, шправи^Ѡ (Гр. 10). В грамотах 4, 8 в указанных позициях используется только буква ш: ш хрѣтъ, ш велико^Ѡ, ш нѣ дшахъ, шслѹша^Ѡ, шнзрѣшѧ (Гр. 4); шлек'ан'рз шреѣ, шфонѧ (Гр. 8). В грамотах 6, 9 в начале слова пишется буква Ѡ: ѡстрецевѣ, ѡгташѣ (Гр. 6); ѡслѹшаѣ^Ѡ (Гр. 9). В последней четверти XV века (1480- 1500) в начале слова, в предлогах буква ш встречается часто: шца, шѡна'евыѣ, по шбѣ стороны, шѣ шлицѣ, шшпѣръ, шшмынѣца^Ѡ, шѡнаѣ, шдадѣ^Ѡ, редко пишется о: ѡста'г'скою. В рязанских грамотах в начале слова и в предлогах, как правило, пишется буква ш: шподарѣ, шподарѧ (Гр. 2); шнтонѧ, по шсми (Гр. 4), шлов'скаѣ, шсѣвѣѣ, шлѣн шсѣвѣѣ, шзера (Гр. 5); шндрѣѣ снѣ, шлек'ѣн шлександрѡвѣ снѣ (Гр. 6); за шдн^Ѡ, ш нновѣрца, шчною, шндѣти, штнмѣ^Ѡ, шда^Ѡ, ѡ шки рѣки - ш Ѡки рекѣ, шнн, шдн^Ѡ (Гр. 7). Редко употребляется Ѡ: ѡкоанцю, ѡкоанци (Гр. 3); Ѡни'г'скѣѣ, ш Ѡникъ'скѡмѣ, к Ѡльховѣ (Гр. 5); Ѡрдѣ, ѡвидѣти, ѡброки, (Гр. 7). Буква ш встречается также в именах собственных, согласно церковной традиции: ѡшѡ'ро^Ѡ, ѡшѡ'рокы^Ѡ, ѡшѡ'ровы, ѡшѡ'тъ'г'скою (Гр. 5); ѡшѡ'ръѣ, ѡшѡ'ръѣ, ѡшѡ'ръѣ, ѡшѡ'ръѣ, ѡшѡ'ръѣ (Гр. 7).

Употребление буквы ш после согласного отмечено только в грамотах, относящихся к центральной Руси. Так, в грамоте 1423 г. буква ш пишется после буквы согласного: фѣдѡрѣ шваншви^Ѡ, но при этом в окончаниях существительных Твор.-Мест. пад. употребляется только буква Ѡ: к терьминевско^Ѡ (Гр. 1), отцо^Ѡ (Гр. 2). Случаи написания ш после буквы согласного отмечены в грамотах 1448 - 1480 гг.: бѣловзерьскѣ (Гр. 4); шгнѣ (Гр. 8), а также после буквы гласного в именах собственных: бѣловзерьскѣ, шгнѣтнѧ (Гр. 4); шншѣ, шшца (Гр. 5). Единичны написания с буквой Ѡ: Георгѣѣ, тнмофѡвы (Гр. 5). В грамотах 1480- 1500 гг. после согласных над выносными буквами также встречается буква ш: кшѡ'ни/кшѣ, дѡспѣхшѣ, сншшѣ.

Буква «ук» в грамотах центральной Руси в первой половине XV века (1423 - 1445) пишется по правилам древнерусской орфографии: в начале слова ѡ, после согласных ѡ - нѡмена, шнѹтъ, грамотѹ (Гр. 1); сѹздальскнмѣ, словѹ, великомѹ спсѹ (Гр. 2); на шѣтнѣ, после согласных - кѹды, плѹтъ (Гр. 3). В середине века (1448 - 1480) в грамоте № 4 (1448 г.) при написании данных букв писец еще пользуется правилом древнерусской орфографии: ѡ в начале слова и в предлоге, ѡ после буквы согласного - снѹ моѡмѹ, ѡ мѡна, ѡ стѣмѣ б'ци, ѡправлѡван, сѹлжбы, х'вѹ паствѹ, ѡ своего. В грамоте № 5 (1460 г.) правило написания буквы «ук» соблюдается, хотя писец уже начинает употреблять букву ѡ после согласных: ѡмомѣ, кѹпнѣ ѡ Марьн, прѡтнѣѣ, ѡ сенки ѡ черного ѡ кнѡвннѣ рѣбѣлѣ. Иногда диграф ѡ пишется после согласных, а ѡ в предлоге: кѡмѹ, ѡ стѣмѣ спсѧ, ѡ Ивана ѡ мат'ѡва снѧ, ѡ сѣѣ грамоты. В грамоте № 6 (1462 - 1470 гг.), в основном, употребляется ѡ: сѹдѣ сѹднѣ, сѹдѣѣ, ѡ ваѣ, ѡ нас, Стѣпанѣ ершовзскомѣ, взправѣѣ, прнсѣднѣѣ. В грамоте № 8 (1470-1480 гг.) пишется только ѡ (один пример - на берѣзѹ): нѣмѣ, рѣкн, ѡставнѧ. То же самое встречаем в грамоте № 9 (1471 г.): ѡшѡннѧ, нѣшѡна, нѣшѡръѣ, ѡ ннѣ, сѹжѣ, грамотѣ. В грамоте № 10 (1472 г.) встречаются написания как с буквой ѡ, так и с ѡ: кѹзнецѡвѡн, сѹ, сѹднѣ, кѡ мшшанѡмѹ волоѹтѹ, ѡ ваѣ, с ѣстннѡм, сѹдѣю. Уже в конце века наблюдаем иную картину. В периода с 1480 по 1500 гг. во всех позициях встречается только монограф ѡ: ѡ Москвы, ѡгн, кѡпнѣ ѡ снѡнѡ'ско' монастырѣ, ѡ ан'ронъ'ско' монастырѣ, Захарѡ'скѣю, ѡ мѡна, ѡлицѣ, по томѣ, в шѡроме, ѡгрнмовѡ. Один раз встретился в предлоге диграф ѡѡ: ѡѡ Москвы.

В рязанских грамотах буква ѡ, согласно древнерусской орфографии, употребляется в начале слов, в предлоге, но после согласных всегда буква ѡ или ѡ, чаще ѡ, так как грамоты написаны в конце XV века и написание ѡ после буквы согласного характерно для этого периода русской письменности: великомѣ, кѡпнѧ, рѣбѡ^ѡ, томѣ, сѣлѣ, ѣмѣ, но ѡ вѡскн, ѡ него (Гр. 1); соло'щѹ, архнмадрнтѹ, мѹжн (Гр. 2); нѣмѡна, кѹпнѡ,

но мѣннѣца (Гр. 3); лѣтн, годѣ (Гр. 4); борнѣ шѣбѣвъ, борнѣсовѣ, болотѣ, рѣбежом, оникѣскому рѣбежѣ к сѣдерѣномѣ, лѣжн, дорогѣ (Гр. 5); половинѣ, селѣ, кѣды емѣ, рѣбло, кабылѣ, но еѣ Федора, еѣ Ворыпаева, еѣезде, еѣгодын, купчѣю (Гр. 6); в Грамоте 7 употребляется только ѣ, за исключением двух примеров: мѣроскоѣ, целѣн, веланкомѣ, ѣчннннѣ, ѣ тѣба, ѣ мена, ѣ веланкоѣ, ѣкраниѣ, прилѣчитсѣ, тѣто, сѣднѣ, ѣде, но тнѣнѣ - тнѣна, еѣ ннѣ.

Если сравнить употребление исследованных нами букв в грамотах и рукописях церковного содержания, то мы можем увидеть, что новые нормы древнерусской письменности, сложившиеся в XV веке в церковнославянском языке, не отличаются от тех норм, которым следовали авторы грамот.

Графико-орфографические особенности	начало XV в.		середина XV в.		конец XV в.	
	церковные тексты	грамоты 1423-1445	церковные тексты	грамоты 1448-1480	церковные тексты	грамоты 1480-1500
1. После бука гласных:						
ѣ	+	+	+	+	-	+
ѣ	-	-	+	редко	+	+
2. В начале слова, в предлоге:						
о (о)	+	+	+	+	+	редко
ш	+	редко	+	редко	+	+
ш после согласного	редко	редко	+	редко	+	+
3. В начале слова:						
ѣ	-	-	-	+	-	+
ѣ	+	+	+	+	+	+
ѣ	-	-	-	+	+	+
После согласных:						
ѣ	+	+	-	+	-	+
ѣ	+	-	+	-	+	-
ѣ	-	-	+	+	+	+

Список использованной литературы

1. **Копосов Л.Ф.** Севернорусская деловая письменность XVII-XVII вв. (орфография, фонетика, морфология). - М.: МПУ, 2000 - 287 с.
2. **Памятники русской письменности XV-XVI вв.** Рязанский край // под ред. С.И. Коткова. - М.: Наука, 1978. - 190 с.
3. **Хрестоматия по истории русского языка /** Авт.-сост. В.В. Иванов, Т.А.Сумникова, Н.П. Панкратова. - М.: Просвещение, 1990. - 496 с.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКИХ ТОПОНИМОВ ВОСТОЧНОГО ПРЕДКАМЬЯ

Гараева А. К.

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

В связи с предстоящим празднованием 1000-летнего юбилея города Елабуга среди ученых возрос интерес к его историческому прошлому, культуре, народным традициям. Однако достоверная и полная картина истории Елабуги и Елабужского края, как всего Восточного Предкамья (геоморфологически Елабужский и Менделеевский (с 1985 года выделившийся из состава Елабужского) районы вместе с Агрызским составляют территорию Восточного Предкамья) может быть восстановлена только при комплексном научном подходе к изучению исторических процессов, явлений, «предполагающих учет, анализ, сопоставление, последующий синтез данных всех имеющихся видов исторических источников, включая и материалы лингвистики» [Галлямов 2000:140]. При этом одной из малоисследованных тем в настоящее время остается топонимия Елабужского района, который в этническом плане является довольно пестрым: по данным 1989 г. в современном Елабужском районе основное население составляли русские - 56,2%, татары - 37,3%, марийцы - 4,3%, чуваша - 0,6%. Топонимическая система Елабужского района неоднородна и по своему происхождению, и по времени возникновения, так как формировалась в течение длительного времени в сложных историко-географических условиях. Значительная часть топонимических исследований рассматривает происхождение географических названий, их структуру, семантику и этимологию.

Топонимическая система Елабужского уезда формировалась в течение ряда столетий в сложных географических, исторических и лингвистических условиях, на территории, которая постоянно служила местом соприкосновения, взаимопроникновения и сосуществования родственных и неродственных этнических потоков с востока, запада и юга. Каждая миграционная волна оставляла здесь топонимические, преимуще-